

Tatiana Pudova

Петербург в прозе Елены Чижовой : "Нюточкин дом" и "Время женщин"

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 285-293

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Tatiana Pudova

Akademia Pomorska
Słupsk, Polska

ПЕТЕРБУРГ В ПРОЗЕ ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ (НЮТОЧКИН ДОМ И ВРЕМЯ ЖЕНЩИН)

Ключевые слова: *петербургский текст, ремейк, зеркало, городское пространство, «маленький» человек, двойничество*

Уникальность Петербурга в русской истории и культуре позволяет рассматривать Петербург, с одной стороны, как текст, а с другой стороны, как механизм порождения текстов и дает возможность говорить о «петербургском тексте» русской литературы¹. «Восприятие Петербурга в русской культуре определено синтезом реалий города, истории его основания и жизни и его отражением в литературе. Образ Петербурга подобен личности, “я” со своей собственной судьбой. С другой стороны, “Петербургский текст” – свидетельство действительного смыслового единства, родства составляющих его произведений, прослеживаемого в общности мотивов и образов, отсылках и реминисценциях»².

Отличительными признаками «петербургского текста» можно считать «историческую вертикаль, то есть включение истории русской литературы в качестве пластов повествования; пространственное расширение (это не только место, но и время, не только время, но и место. Причём место это не только город, но и пригород); включение фольклора, русской сказки (в этом уникальность его сюжетостроения, его поэтики), а также включение в традицию петербургского мифа русской литературы. Постоянное присутствие Гоголя в подтексте. Мифологическая реальность создается на базе абсолютной достоверности, её сдвигает. В “Петербургском тексте” обязательно с достоверностью рядом или внутри неё находится фантастический элемент»³.

Петербург в произведениях современных писателей выступает и как герой произведения, и как место действия, обуславливающее происходящее. В своих произведениях современные авторы обращаются чаще всего к гоголевскому восприятию Петербурга. По утверждению П. Крусанова, «все, что претендует на

¹ Ю. Лотман, *От редакции*, [в]: *Труды по знаковым системам*, выпуск 18, Тарту 1984, с. 3.

² А. Ранчин, *Петербургский текст Владимира Топорова*, <http://lit.lseptember.ru/articlef.php?ID=200701615> (25.11.2011).

³ Н. Иванова, *К себе и от себя: первое лицо в прозе Валерия Попова*, <http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?jpostid=123325202&journalid=2919568&go=prev&categ=0> (25.11.2011).

звание петербургских повестей, невольно проходит испытание гоголевским эталоном, так или иначе с ним соотносится либо в той или иной мере к нему подрифмовывается»⁴.

Несмотря на современные реалии, город сохраняет главные черты петербургского мифа. Это специфические природные явления: наводнения, туманы, марево, холод, метели, белые ночи, что становится своего рода входением в петербургский текст. В этих природных явлениях проявляются «петербургская жуть»⁵, эсхатологические мотивы, дающие установку на восприятие Петербурга как inferнального, ирреального, демонического пространства. Это представление о фантомности, миражности, нереальности, вымороченности, обманчивости города, где «всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!»⁶. Город, наделенный чертами призрачности и театральности, наделяет этими чертами своих жителей. Петербургская атмосфера пронизывает не только городское пространство, но и определяет течение жизни петербуржцев.

Город подчиняет себе, нивелирует, заставляет жить по своим законам коренных жителей и тех, кто туда приезжает. Мотив двойничества, раздвоенности своими корнями уходит в петербургскую тему. В Петербурге часто чувствуется неприкаянность, ненормальность существования, из города хочется бежать, но одновременно в него хочется возвращаться. «Особое петербургское чувство неустойчивости, непрочности существования, как бы почвы под ногами, и фантастической игры возможностей»⁷. Петербург как город умышленный сам становится призраком, бредом и превращает своих жителей в фантомы и призраки.

Елена Чижова, писатель, родившийся, живущий в Петербурге и пишущий о нем, ответ на вопрос, можно ли считать ее романы петербургским текстом, оставляет литературоведам и культурологам. И добавляет: «Поскольку действие в моих книгах неизменно разворачивается на берегах Невы, думаю, можно сказать, что я – петербургский автор»⁸.

Повесть Е. Чижовой *Нюточкин дом* – ремейк петербургской повести Н.В. Гоголя *Шинель*. Образ Анны Петровны, Нюточки, близок образу Башмачкина. Слово его дальняя родственница, она вобрала в себя все типичные черты «маленького человека».

Е. Чижова подробно повествует о детстве и родителях Нюточки, которые сформировали ее характер, манеру поведения, определив таким образом дальнейшую судьбу. Так, Нюточка, «в отличие от большинства одноклассников, подавших заявление в вузы, поступила на службу в ту же самую организацию, в которой трудился ее отец»⁹, на ту же самую должность, которая «преобразилась из

⁴ П. Крусанов, *Смена вех*, [в]: *Новые петербургские повести*, Санкт-Петербург 2006, с. 5.

⁵ Н. Бердяев, *Астральный роман (Размышления по поводу романа Белого „Петербург“)*, [в]: Н. Бердяев, *Собрание сочинений*, т. 3, Париж 1989, с. 431.

⁶ Н. Гоголь, *Невский проспект*, [в]: Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений: в 14 томах*, т. 3, *Повести*, Москва-Ленинград 1937-1952, с. 45.

⁷ С. Бочаров, *Петербургское безумие*, [в]: С. Бочаров, *Филологические сюжеты*, Москва 2007, с. 370.

⁸ А. Ганиева, *Петербургский текст и вопросы крови: интервью с Е. Чижовой*, „Независимая газета” 23.09.2010, http://exlibris.ng.ru/person/2010-09-23/2_chizhova.html (25.11.2011).

⁹ Е. Чижова, *Нюточкин дом*, „Звезда” 2008, № 1, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/1/chi4.html> (25.11.2011).

счетовода в бухгалтера и тем самым, как будто накинув на плечи новую шинельку взамен изношенной, обрела некоторое, так сказать, благозвучие»¹⁰.

Чижова не скрывает родство своей героини с гоголевским типом, опознавательными знаками чего являются и служба на самой низкой из чиновничьих должностей (переписчик – счетовод – бухгалтер), и упомянутая шинелька (новая в сравнении с литературной шинелью Акакия Акакиевича).

Жизнь Нюточки, которой она была совершенно довольна, протекала между работой и домом. Характер работы определил и замену объекта «любви»: на смену буквам пришли цифры. Ее послужной список такой же, как у Башмачкина: всю жизнь она просидела на одной ведомости, за которую «руководство могло быть спокойно, поскольку все Нюточкины помыслы были направлены на то, чтобы свести ее в срок и до копейки»¹¹, делала одну и ту же работу, которую охотно брала домой на выходные.

Человек замкнутый, приученный рассчитывать только на себя, она после смерти родителей оказалась абсолютно одинокой, в безвоздушном пространстве, где не было ни друзей, ни знакомых, ни родных. Все тяготы жизни, которые выпадали на ее долю, она несла как должное, не воображая себе, что может быть иначе. Ей в голову не приходило попросить у кого-то помощи или хотя бы совета. Ее незаметность стала причиной того, что она никогда не вызывала ни у кого ни интереса к себе, ни жалости. В этом ее образ также близок позднейшей вариации «маленького человека» у Чехова.

Правда, в отличие от Башмачкина, не замечавшего город, в котором он жил, Нюточка любила свой город с детства, когда вместе с отцом по выходным прогуливалась по его улицам и площадям. Поэтому для нее и ее матери переезд в связи с капитальным ремонтом в новый микрорайон стал потрясением, «изгнанием из Рая, который составляли для них и эта просторная комната, и сам прекрасный город. А может быть, им казалось, что город, спасенный в страшные блокадные годы, просто не может извергнуть их из себя, ведь дом, глядящий на обрубок костела, принадлежит им обоим по праву рождения, а значит, отныне и до века»¹².

После смерти матери ее мечтой стал переезд обратно в центр города, в привычную с детства атмосферу. Она так и не смогла привыкнуть к «пустырю, по которому утром и вечером надо было пробираться, стараясь не оглядываться на редкие зубья домов, торчавших там и сям из голых десен земли. Эти зубья глодали Нюточкину душу многие годы»¹³. Ее желание вернуться из новостроек в центр города было вызвано не только ее эстетическими чувствами, в которых ей нельзя отказать, но и желанием вернуться в привычный мир детства. Пространство старого Петербурга не кажется Нюточке чужим и враждебным, поскольку связано с детством, с родителями, а значит, можно будет продолжать жить по раз и навсегда начертанному образцу.

Она долго искала вариант обмена, «но решится все-таки не могла, поскольку выбирала не так, как следовало бы, а так, как иная девушка выбирает жениха, то

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

есть сердцем»¹⁴. В результате обмена она оказалась в совершенно «убитой» квартире, которую полюбила всей душой с первого взгляда. Теперь она не видела вокруг себя новостройки-протезы, «вставленные в беззубую челюсть», вокруг был с детства любимый город, «все возвращало ее в прежние, незабытые времена, когда она чувствовала себя не какой-то *эвакуированной*, а полноправной жительницей своего дома и города [...] Дома, открывавшиеся взгляду, не имели ни малейшего сходства с протезами, вживленными в пустыри. Те, угнетавшие циклопическими размерами, делались как будто по зубным слепкам, эти были выстроены по мерке ее души, и, спускаясь в угловую булочную, Нюточка всякий раз изумлялась тому, что их высота как-то даже соответствует ей по росту, как будто с самого детства они росли вместе, не теряя друг друга из виду. Даже звуки, долетавшие с улицы, были иными – *городскими*, и если звук можно сопоставить с запахом, Нюточка, замирая с зажмуренными глазами, осязала то нежный звон трамвая, пробивавшийся с Театральной площади, то одинокий рев машины, с трудом въезжающей в узкую дворовую арку»¹⁵.

С переездом мало что изменилось в ее однообразной жизни, которая по-прежнему проходила между домом и работой. Поворотным пунктом в ее жизни стал визит в современный строительный магазин, когда пришло понимание убожества и нищеты ее существования. «Этот миг был сродни тем, в которые рушатся и восстают миры, но Нюточкина душа не разрушилась, а, напротив, если можно так выразиться, постигла смысл своей будущей жизни»¹⁶.

Если идеей-фикс Башмачкина была новая шинель, заменившая ему возлюбленную, то для Нюточки такой идеей, целью ее жизни, ее мечтой стал ремонт ее убогой квартирki, которая заменила ей жениха. Мечты о шинели одухотворили внутренний мир Акакия Акакиевича, мечты о ремонте – внутренний мир Нюточки.

В *Нюточкинoм доме* изменен характер взаимоотношений героини с внешним миром. Нюточка, поглощенная исключительно собственной жизнью, не сразу осознает нарастание конфликтной ситуации. Вторжение внешнего мира в ее замкнутую жизнь происходит постепенно: сначала она видит и осознает убожество своей квартирki. В результате этого ею овладевает желание изменить ее, а значит, и свою жизнь. Нюточка мечтает о ремонте. Страх потерять уже отремонтированную квартирку сначала заставляет ее перешагнуть через себя и обратиться за помощью к кому-то чужому, к своей начальнице. В этот момент замкнутый внутренний мир размыкается, его границы лопаются.

У читателя складывается впечатление, что взаимоотношения «маленького человека» и внешнего мира изменяются, они открываются навстречу друг другу. Но это только кажимость. Нюточкина начальница, действительно, хочет ей помочь, хочет ее отблагодарить. Только в сегодняшнем мире абсолютно все, даже помощь, зависит от социального положения и места на иерархической общественной лестнице. Мир действует по принципу: по Сеньке и шапка. Гоголевскому Башмачкину в помощи было просто отказано, чего нельзя сказать о Нюточке. Кажется, она должна получить поддержку от внешнего мира, но эта помощь име-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ет только внешнюю оболочку приличия, это только видимость, внутри которой – пустота. Формально Нюточке помогли, по существу – от нее отделались. Мир, изменившись внешне, остался внутренне таким же, каким и был: враждебным, равнодушным, жестким и жестоким. В состязании с государственно-бюрократической системой «маленькому человеку» по-прежнему не выиграть. Особенно этот конфликт обостряется сегодня, когда мир стремительно меняется, усложняется, удаляется от человека, чья ценность провозглашается лишь на словах. Сама жизнь доказывает глубину и неразрешимость проблемы, растущая пропасть отчуждения и непонимания между внешним миром и проблемами человека, пусть и «маленького», лишь обостряет другие противоречия современного мира.

У Гоголя петербургское пространство враждебно человеку. Открытая огромная площадь, продуваемая холодными ветрами, на которой у Башмачкина отбирают шинель, пуста и безлюдна, помощи просить не у кого, Акакий Акакиевич предоставлен сам себе, «чиновный, серый, студёный Петербург прерывается вдруг не просто большой черной площадью, а какой-то шаманской бездной»¹⁷. Современный город тоже заставляет «маленького человека» ощутить свое одиночество и незащитность.

Нюточка, выбежав из гостей, где впервые увидела в зеркале свое отражение и осознала, как она воспринимается со стороны, словно теряется в знакомом ей с детства пространстве. Петербургские улицы и площади предстают перед ней в зловещем облике, пугают ее. Огромность, величественность, отчужденность города заставляет Нюточку почувствовать свою малeness и ненужность никому, даже родному городу.

«Откуда ей было знать, что мысль, так поразившая ее сегодня, совсем не нова для этого города, который умеет превращать людей в призраков, но и призраки – в людей и с этой точки зрения представляет собой особое пространство, где тот и этот миры, если взять привычные для Нюточки термины, давным-давно стали корреспондирующими счетами, между которыми совершаются бухгалтерские проводки – и в ту и в другую сторону»¹⁸.

В отличие от гоголевских персонажей, которые не обращают внимания на окружающий их город, для персонажей современных авторов Петербург – не просто фон, среда обитания, город воспринимается ими как нечто одушевленное, становится равноправным героем этих произведений. Многие из современных персонажей впитали дух этого города с момента рождения, для других город стал родным позже.

* * *

Роман *Время женщин*, удостоенный премии «Русский Букер»-2009, повествует о жизни простых, ничем не примечательных людей, принадлежащих к разным поколениям и социальным слоям, оказавшихся связанными местом жительства. В определенном смысле их можно назвать «маленькими людьми». Коммунальная квартира, расположенная в центральной, старой части Петербурга, объединила

¹⁷ В. Набоков, *Предисловие*, [в]: Н.В. Гоголь, *Повести*, Нью-Йорк 1952, <http://lib.rus.ec/b/38601/read> (25.11.2011).

¹⁸ Е. Чижова, *Нюточкин дом...*

вместе трех «досоветских» старух, молодую женщину Тоню, приехавшую в Ленинград из провинции, и ее маленькую дочь. Автору удается извлечь из обычного обывательского фона «вещество жизни», увидеть в повседневности и бессобытийности жизни живые человеческие судьбы.

В этом произведении Петербург выступает, скорее, как место действия. Однако сама атмосфера города, постоянное, уходящее в подтекст присутствие городского пространства в жизни героев создает особую, питерскую, среду обитания и обуславливает их поступки и поведение.

Время женщин – роман полифонический: из многоголосья рассказчиков читатель узнает об их прошлом и настоящем. «Действие двоятся, троится, расслаивается, в общем плане реальности четко проступает мифологический план: коммуналка – модель “исторической памяти”, утлого, расшатанного, непригодного для жизни мирка; в образе трех старух, вечно что-то вяжущих, шьющих, переплетающихся дешевые нитки, как судьбы, угадываются образы Парок»¹⁹.

Детство и юность сегодняшних старух были абсолютно разными. Их разделяло происхождение, воспитание, образование. Вряд ли их жизненные дороги пересеклись, если бы не октябрьский переворот, круто изменивший людские судьбы. Ариадна происходила из богатой семьи, училась в гимназии, знала французский, читала книги. «Образованная. По молодости и за границей жила»²⁰. Гликерия – дочь крепостной крестьянки, успевшая до революции стать любовницей барина, «граф ее, муж невенчаный, от революции сбежал»²¹. Евдокия, происходя из социальных низов, так и осталась безграмотной. Но именно она агрессивнее всех не примет советскую действительность. Время и история нивелировали их жизни, как жизни миллионов других людей, сделали их одинаковыми, превратили в советских «маленьких людей». Одинокими их сделала революция, сталинский террор, война и блокада: «У самих – никого. Мужья-дети сгнули, поумирали. И внуков нету»²². В итоге разные молодые судьбы обернулись одинаково нищей и никому не нужной старостью.

Появившаяся в их квартире девочка нарушила монотонный ход заурядной жизни, поставив на первое место заботу не о себе, а заботу о ней. Воспитывали бабушки Сюзанну, исходя из собственных представлений о жизни, добре и зле. Незачем отдавать девочку в «их» детский сад или вести на новогодний утренник: ничему хорошему она там не научится. А вот спектакль в Мариинском театре – другое дело. И, действительно, балет *Спящая красавица* с красочными костюмами, декорациями, с чудесной музыкой, в прекрасном зале производит на Сюзанну неизгладимое впечатление.

Объединяющим старушек началом была и вера в Бога, к которой они приобщают и девочку. Втайне от матери бабушки ее крестили, дав ей имя Софья. Пока Софья была малек, ходили с ней в Никольский собор к причастию, объясняли, как надо молиться, что изображено на иконах, рассказывали о рае и аде. Одновременно они старались оградить ее от неприглядной стороны действительности. Девочку не

¹⁹ Е. Погорелая, *В поисках озвученного времени*, „Вопросы литературы” 2010, № 3, <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/po11.html> (25.11.2011).

²⁰ Е. Чижова, *Время женщин*, Москва 2010, с. 19.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 14.

пускали на темную, вонючую черную лестницу, никогда не брали ее в очередь за мукой, которая часами стояла в душном и сыром полуподвальном помещении. Они отдавали ей лучший кусок, старались, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Девочка, ставшая для бабушек внучкой, заменив родных детей и внуков, дала им возможность реализовать всю нереализованную любовь. Бабушки оказались конечными звеньями своих семей. Их ждало забвение, ведь не осталось даже могил родных. Своим появлением Софья дает надежду на продолжение жизни, семьи, становится их наследницей, продолжателем их традиций, тем звеном, которое восстанавливает почти разорванные связи.

Как когда-то гуляли они со своими внуками, так теперь гуляли с ней по тем же местам, подсознательно передавая девочке родовую память. «Львы добрые, смиренные. Сидят, караулят. Внук мой Алешенька тоже их любил. Николенька, младший, не запомнил. А старший должен помнить. Мы с ним часто ходили, как с тобой. Он все про нас помнит. Вот вырастешь, тоже про него вспомни. Я умру, никого у него не останется: только ты одна...»²³.

Неизлечимая болезнь Тони и неизбежная ее смерть заставили бабушек задуматься о дальнейшей судьбе Софьюшки. После смерти матери, без отца, ее ждал детский дом. Решив спасти ее от сиротской участи, бабушки начинают решительно действовать. Появилась цель, ради которой стоило жить, преодолевать препятствия, восстанавливать разорванные временем отношения, бороться с внешним миром за то, чтобы у них не отняли девочку. Ариадна продает фамильные бриллиантовые серьги, которые сохранила даже в блокаду, чтобы получить необходимые деньги. Они уговаривают Тониного знакомого жениться на ней, чтобы оформить опеку над девочкой, взамен предлагая ему комнату в их квартире. При этом они берут на себя всю ответственность за ее судьбу. Спасая девочку от участи сироты, они тем самым спасают и себя от сиротства.

Цель, наполненная высшим смыслом и благородством, поднимает бабушек над серостью и заурядностью жизни, не позволяет думать о них как о «маленьких людях». Их жизнь обретает подлинный смысл. Несмотря на раннюю смерть матери, девочка выросла в атмосфере любви и теплоты. Они создают для девочки дом, семью.

Окружив вниманием и заботой девочку, к ее матери старухи относились прагматично и холодно. Пока Антонина была здорова, в ее жизненные задачи входило обеспечение девочки и старух всем необходимым. Она должна была заработать на жизнь, а дома – приготовить, постирать, прибрать. «Зато дите как принцесса. Почитай, три няньки на одну – и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки читают. Учат, кому сказать, по-французски. Девка умная – одно слово, городская. Картинки все рисует. Буквам в четыре года выучилась. Понимает все»²⁴. Из процесса воспитания собственной дочери Тоню практически исключили. Для соседок-старух она навсегда осталась чужой. Свою чуждость их миру Тоня чувствовала всегда: «В общежитии-то свои. А тут – чужая, деревенская, с дитем»²⁵.

В романе Чижова поднимает и проблему взаимоотношений города и приезжего человека. Так, для Тони, приехавшей из деревни и устроившейся работать на

²³ Там же, с. 36-37.

²⁴ Там же, с. 14.

²⁵ Там же, с. 13.

завод, город никогда не станет своим, навсегда останется для нее закрытым, не пустит в себя, как чужую будет ее отторгать. Вся ее короткая жизнь протекает между домом и работой, в постоянных заботах и труде. Даже в театр она ни разу не сходила. Пожалуй, самым большим эстетическим потрясением для нее стал Гостиный двор с его изобилием товаров. Красота же города остается для нее недоступна, она попросту не замечает его неповторимость и уникальность. Для Тони «в городе дома большие, одинаковые. Не то что в деревне...»²⁶. Закрытым город остается и для других персонажей романа, приехавших туда, чтобы избавиться от деревенской нищеты, колхозного рабства, в надежде на лучшую жизнь. Если бы девочку воспитывала мать, город и для нее был бы чужим. Бабушкам же удалось передать свою любовь к городу, свое к нему отношение девочке, для которой город становится родным.

В произведении город является средой, которая формирует сознание девочки. В ее детской головке перемешиваются впечатления от сказанного бабушками и от увиденного в доме и на улице. Лишенная возможности говорить (в детстве Софья только слышала, но не разговаривала), она все свои впечатления воплощала на бумаге. Рисование стало способом самовыражения. В результате в ее рисунках возникает фантастическое городское пространство, в котором все перемешано: и реальный город, и рассказы, воспоминания бабушек: «Сверху облако. Под облаком дом большой. Внизу канал длинный. Вдоль него загородка. Перед домом эти стоят – огромные. Головы черные, страшные. Внутри проволока. Пальцы большие топырятся – возьмут и уйдут с места...» и подписала большими буквами «БОЛЬШЕВИКИ»²⁷.

Характерный для петербургского текста мотив двойничества также присутствует в романе. Свое отражение в зеркале Сюзанна воспринимает как другую девочку, которая живет в ином мире, но в точно такой комнате, правда, у той девочки есть не только мама, но и папа. «У них квартирка маленькая: зачем им? – бабушек-то нету. Бабушки здесь, со мной живут»²⁸. Постоянные разговоры бабушек о смерти, о загробном царстве переплавились в ее голове в собственное понятие о другом мире, где все мертвые счастливы, улыбаются и смеются, где жизнь продолжается. Зеркальный мир словно отрицает смерть. «Умрут, к той девочке отправятся, с ней будут жить. Девочка их встретит, обрадуется. Только комнатка у нее маленькая – жить тесно. Пусть и комнаты их умрут – чтобы всем разместиться...»²⁹. Зеркальная, другая девочка поселилась вместе с родителями и в бумажном кукольном доме, подаренном ей мамой на Новый год. Телевизионное изображение воспринималось ею тоже как другой мир, отрицающий смерть: «Мертвые – веселые. По улице идут – смеются... Улицы у них широкие, праздничные. Поперек гирлянды висят. Машины ездят. И дети их умерли. Вот они: гуляют под музыку – тоже не разговаривают...»³⁰. Оказывается, потусторонний, зеркальный мир реален и жизнь не прерывается, она бесконечна. «Граница между миром живых и мертвых так и не восстанавливается с го-

²⁶ Там же, с. 76.

²⁷ Там же, с. 27.

²⁸ Там же, с. 36.

²⁹ Там же, с. 40.

³⁰ Там же, с. 101.

дами, остается проницаемой и прозрачной, пропускающей иномирные сквозняки»³¹.

Несмотря на раннюю смерть матери, девочка выросла в атмосфере любви и теплоты. Ее детские впечатления переплавились в талант художника с необычным взглядом на мир. Бабушкам удалось сохранить связь времен и передать девочке ту духовную матрицу, носителями которой были они сами. «По Чижовой, человек и живет для того, чтобы помнить ушедших, тем самым продлевая их бытие. Невыполнение этого долга грозит катастрофой, разрывом цепи времен»³². Став знаменитым художником-авангардистом, она не уехала за границу даже после смерти бабушек («Я уеду, а они останутся... Как бы они остались без меня?»), купила большую квартиру, «чтобы у них был дом, в котором больше не страшно»³³. И тем самым она становится хранительницей исторической памяти, восстанавливающей разорванный мир в своем единстве.

Главные героини романы – женщины. Этим фактом автор дает нам понять, что XX век с его многочисленными историческими коллизиями именно женщину сделал хранительницей исторической памяти, на ее плечи переложил ответственность за передачу традиций и сохранение дома и семьи.

Анализ произведений Е. Чижовой *Нюточкин дом* и *Время женщин*, в которых в смысловом единстве, «как в янтарной смоле, законсервированы в единой затейливой форме время, город и маленький человек в нем»³⁴, позволяет включить их в петербургский текст. Чижова использует в своих произведениях традиционные образы, мотивы, сюжеты, переносит их в современное пространство, наполняя их новыми смыслами. Осмысление петербургско-ленинградских реалий середины XX века с позиций сегодняшнего дня расширяет временные границы петербургского текста.

Summary

Petersburg in prose of Helen Chizhova (*Nyutochkin House* and *Time Women*)

St. Petersburg is considered as text generation mechanism in the article. This fact enables to treat the Petersburg Text of Russian Literature. The article analyses literary works *Nyutochkin House* and *Time Women* of modern writer H. Chizhova. The novel *Nyutochkin House* is a remake of the Gogol's *The Overcoat (Shinel)*: the main protagonist is the typical "small person". Addressing to Gogol's creativity, the author opens, in what way typical features of Gogol's protagonist Bashmachkin became actual in modern space. In the novel *Time Women* the author shows that "the small person" can rise above himself and devote his life to another person. The both literary works are the part of the Petersburg Text of Russian Literature.

Key words: *the Petersburg Text of Russian Literature, remake, mirror, urban space, that "the small person", the motif of duplicity*

³¹ Е. Погорелая, *В поисках...*

³² Т. Раткина, *Елена Чижова. Время женщин*, „Знамя” 2011, № 9, <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/9/ra23.html> (25.11.2011).

³³ Е. Чижова, *Время женщин...*, с. 190.

³⁴ П. Крусанов, *Смена вех...*, с. 9.